

Интерференция международных отношений и стратегических концепций в межвоенные годы

Н. С. Ниязов

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Для цитирования: *Ниязов Н. С.* Интерференция международных отношений и стратегических концепций в межвоенные годы // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2018. Т. 11. Вып. 2. С. 146–170. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu06.2018.203>

Формирование Версальско-Вашингтонской системы международных отношений не смогло создать условий для бескризисного развития международного сообщества в 1918–1939 гг. Противоречия, заложенные в фундамент международной системы неравноправными договорами с побежденными, игнорирование интересов ряда государств в конечном итоге должны были привести к краху системы, воплощением которого станет новая мировая война. Осознание этих реалий в указанный период истории военными специалистами подталкивало их к разработке новых стратегических концепций, главная задача которых заключалась в поиске путей для эффективного ведения боевых действий в предстоящих сражениях новой мировой войны, начало которой они считали неизбежным. Кроме моделирования условий, в которых должны были разворачиваться предстоящие сражения, авторы ряда концепций огромное внимание уделяли вопросам подготовки населения и промышленности к войне. В СССР в силу господствовавшей идеологической парадигмы огромное внимание в выдвигаемых стратегических концепциях уделялось политической составляющей будущей войны. В свою очередь, оформление тех или иных концептуальных подходов в стройную стратегическую доктрину оказывало прямое воздействие на внешнюю политику государства; так, включение в стратегическую концепцию постулата о том, что предстоящая война будет вестись блоками государств, вынуждало политическое руководство озаботиться поиском союзников, а предположение о том, что в предстоящей войне определенные системы вооружений смогут решать стратегические задачи, могло подтолкнуть страны, не имеющие аналогичных систем или имеющие их в ограниченном количестве, выступить на международной арене с инициативой ограничения, запрещения, ликвидации тех или иных видов техники и вооружений.

Ключевые слова: международные отношения, стратегические концепции, вооруженные силы, военные технологии, мировые войны.

Введение

Формирование Версальско-Вашингтонской системы международных отношений не смогло создать условий для бескризисного развития международного сообщества в 1918–1939 гг. Противоречия, заложенные в фундамент международной системы неравноправными договорами с побежденными, игнорирование интересов ряда государств в конечном итоге вели к краху системы, воплощением которого должна была стать новая мировая война. Осознание этих реалий в указанный

период истории военными специалистами подталкивало их к разработке новых стратегических концепций, главная задача которых заключалась в поиске путей для эффективного ведения боевых действий в предстоящих сражениях новой мировой войны, начало которой они считали неизбежной.

Для выявления особенностей формирования стратегических концепций в межвоенные годы автором данного исследования в качестве основного научного метода выбран историко-генетический, или, как его еще называют, ретроспективный метод, позволяющий рассматривать причинно-следственные связи и закономерности развития события или явления, а также дающий возможность выявить особенности субъективных и объективных факторов, в том числе очень весомых для нашей работы, таких, как специфика развития различных процессов на международной арене и во внутренней политике изучаемых стран, особенности развития военных технологий, военного производства, а также создание различных систем вооружения.

«Мир — это лишь передышка между войнами» (Адриан Декурсель)

В 1918–1939 гг. военные теоретики ведущих стран мира активно работали над стратегическими концепциями, призванными найти пути достижения победы в предстоящей мировой войне. Для достижения поставленной цели вначале им пришлось всерьез заняться изучением и обобщением опыта Первой мировой войны. Наряду с анализом хода боевых действий, объектами изучения стали: роль дипломатии в войне, функционирование экономики в условиях войны, воздействие войны на социальную обстановку в тылах, влияние различных систем вооружений на ход как отдельных операций, так и всей войны в целом.

Чем дальше продвигались исследователи по пути анализа того или иного фактора, тем больше они убеждались в том, что подготовка к войне не только армии, но и всей системы военной безопасности страны должна начинаться еще в мирное время. При этом в обязательном порядке следует учитывать ряд факторов, важнейшими из которых являлись ресурсное обеспечение войны, размеры и характер территории, необходимость предугадывания характера вооруженной борьбы с использованием новейших образцов техники и вооружений, а также морально-политический фактор, роль которого начала расти в связи с появлением новых идеологических парадигм и развития средств массовой информации, способных оказывать серьезное влияние на общественное мнение и моральный дух населения потенциального противника.

Осмысление перечисленных факторов способствовало появлению в Италии, Великобритании, Франции, Германии, Японии, США и СССР стратегических концепций, ставивших своей целью подготовку страны к победе в предстоящей войне.

В свою очередь, оформление тех или иных концептуальных подходов к вопросам подготовки к войне в стройную стратегическую доктрину начинало оказывать прямое воздействие на внешнюю политику государства; так, включение в стратегическую концепцию постулата о том, что предстоящая война будет вестись блоками государств, вынуждало политическое руководство той или иной страны обращать пристальное внимание на поиск союзников в ожидаемом противостоянии. А пред-

положение о том, что в предстоящей войне определенные системы вооружений (авиация, химическое оружие, линкоры и т. д.) смогут решать стратегические задачи, могло подтолкнуть страны, не имеющие аналогичных систем или имеющие их в ограниченном количестве, а также желающих сохранить свое превосходство в определенной сфере безопасности, выступить на международной арене с инициативой ограничения, запрещения, ликвидации тех или иных видов техники и вооружений.

Отличительной чертой стратегических концепций, выдвинутых в межвоенный период, было то, что они в большинстве своем выдвигались и разрабатывались с учетом не только военной составляющей, но и идеологических парадигм, господствовавших в той или иной стране. Особенно заметно это влияние было в доктринах, выдвигаемых в Германии, Италии, СССР, Японии. Не были исключением Великобритания, Франция и США, однако в этих странах такое влияние не реализовывалось на официальном уровне.

Большое внимание в стратегических концепциях межвоенного периода уделялось и вопросам технического оснащения войск, и функционированию промышленности в условиях войны. Эти моменты также оказывали серьезное влияние на внешнюю политику государства.

От Вечного города... до самых до окраин самолет пролетает как хозяин

За участие в Первой мировой войне на стороне Антанты Италии были обещаны территориальные приращения за счет Австро-Венгрии и Турции. Однако на Парижской конференции стало понятно, она не получит обещанного в полном объеме. Неудовлетворенность результатами Парижского мира способствовала росту в стране фашистских идей. С приходом к власти в 1922 г. Б. Муссолини слабое в экономическом плане государство, не имеющее больших материальных и природных ресурсов, уязвимое с геополитической точки зрения (со стороны морских рубежей), не занимающее лидирующего положения в системе международных отношений, начало стремиться к распространению своего влияния на ряд регионов Европы и Африки.

Стратегической концепцией, призванной разрешить это противоречие и обеспечить итальянское доминирование в военной сфере, стала доктрина генерала **Джуалино Дуэ**. По своей первой военной специальности генерал был артиллеристом, но с 1909 г. он становится ярким поборником авиации. В годы Первой мировой войны Дж. Дуэ выступает с критикой итальянского командования, в результате чего оказывается в тюрьме. После освобождения в 1917 г. продолжает отстаивать свои взгляды на ведение войны, а через год становится директором итальянской авиации, в 1921 г. выходит в отставку и публикует свою книгу «Господство в воздухе» [1]. Выводы итальянского генерала сводились к следующим положениям:

- Первая мировая война была не единой войной, а состояла из двух практически не связанных между собой мировых войн — одна велась на суше, другая на море. Это было следствием старого деления вооруженных сил на сухопутные и военно-морские силы;

- в новых условиях необходимо, чтобы вооруженные силы представляли собой триаду: сухопутные силы, флот и авиация, причем развитию последней должно быть отдано предпочтение;
- в предстоящей войне необходимо наличие единого командующего, который не должен быть связан с тем или иным видом вооруженных сил, так как в мирное время от него зависит распределение финансов на развитие видов вооруженных сил;
- особая роль авиации в предстоящей войне связана с тем, что скорострельность и эффективность огня стрелкового оружия возрастает стремительно, поэтому у атакующего нет шансов «дойти», «добежать» до окопов противника, а это означает, что оборона противника становится практически непреодолимым препятствием для сухопутных сил. Единственным эффективным способом преодоления вражеской обороны является авиация, но главной целью летчиков должны стать не войска противника, а его города, так как попасть бомбой в солдата, сидящего в окопе, чрезвычайно трудно, еще сложнее попасть в кавалериста. Кроме того, солдаты, в силу подготовки и воинской дисциплины, довольно стойко переносят трудности войны, поэтому объектом воздушных ударов должны стать именно города противника: мирное население не готово продолжительное время терпеть лишения и страдания, а значит, через некоторое время оно начнет требовать от руководства своей страны прекращения войны и капитуляции.

Кроме того, обеспокоенность солдат судьбами своих близких в тылу, которых они не могут защитить от авиационных ударов врага, будет способствовать падению морального духа армии противника. Для достижения наибольшего эффекта генерал предлагал разрушать города противника за **один** налет, так как к следующим бомбардировкам население уже успеет подготовиться.

Исходя из этих установок, Дж. Дуэ советовал еще в мирное время сосредоточить усилия на создании стратегической авиации и запаса бомб для нанесения сокрушительных ударов по городам противника. Для выполнения этой задачи генерал рекомендовал не отвлекаться на создание истребителей, зенитных средств, морской авиации и т. д. Проблему защиты собственных городов Дуэ предлагал решать не путем создания системы ПВО, а скорейшим разгромом противника.

Идеи генерала Дж. Дуэ как бесчеловечные по своей сути были подвержены остракизму практически во всех развитых странах, но после этого те же самые страны, включая СССР, бросились претворять идеи итальянского генерала в жизнь.

Попытка итальянского военного командования реализовать положения доктрины Дуэ в полевых условиях была осуществлена в октябре 1935 г., когда Италия без объявления войны напала на Эфиопию. В ходе боевых действий стало ясно, что даже такой слабый противник, как Эфиопия, не собирается сдаваться на милость победителей только в результате воздушных ударов. Эфиопская война показала, что доктрина Дуэ не может быть стратегической концепцией, способной стать основой для развития вооруженных сил и подготовки населения и промышленности к войне. Поэтому идеи Дуэ начинают дополняться выводами генерала **Э. Бастико**, который считал, что будущая война будет носить маневренный характер, при этом он не исключал и проведения оборонительных операций.

Совместное участие итало-германских сил в гражданской войне в Испании привело к тому, что итальянская военная доктрина «обогадилась» идеями германских генералов и к началу Второй мировой войны она исходила из того, что предстоящая война будет носить тотальный характер, при этом противник должен быть разгромлен в течение короткого промежутка времени. В свою очередь эта установка диктовала, что главным видом боевых действий станет наступление, в котором будут взаимодействовать все рода войск, хотя проведение отдельной самостоятельной воздушной войны в соответствии с идеями Дуэ тоже не исключалось, как следствие к началу Второй мировой войны Италия имела 2802 самолета [2, с. 127].

Желание Италии превратить Средиземное море в «итальянское озеро» способствовало развитию ее военно-морских сил, однако экономическая слабость страны не позволяла ей создать флот, способный на равных противостоять ВМФ Франции и Англии, поэтому итальянцы сделали ставку на легкие быстроходные корабли, которые должны были наносить по противнику неожиданные удары, а затем быстро отрываться от преследования [3, с. 62].

Танки уходят по-английски

До начала Первой мировой войны Великобритания была единственной сверхдержавой мира. Однако война показала, что для поддержания этого статуса в условиях продолжительных боевых действий нужны огромные ресурсы, которых не оказалось даже у «владычицы морей» и колоний. После окончания Первой мировой войны Великобритания пыталась решать проблему обеспечения своей безопасности в первую очередь за счет договоров Версальско-Вашингтонской системы. Одновременно английские военные специалисты на основе анализа боевых действий Первой мировой стали разрабатывать доктрины, призванные обеспечить победу в будущей войне за короткий промежуток времени и с минимальным количеством потерь в личном составе.

Одним из первых рецептов такой войны в 1922 г. в книге «Танки в великой войне» предложил **Джон Фуллер**. В дальнейшем он продолжал пропаганду своих идей в таких работах, как «Реформация войны» и «Операции механизированных сил».

По мнению Дж. Фуллера, именно массовое использование танков на поле боя, особенно в сражении у Камбрэ 20 ноября 1917 г., создало условия для разгрома немецкой армии. Поэтому главным инструментом будущей войны, по мнению английского военного теоретика, должны стать не многомиллионные армии, а малочисленные **профессиональные механизированные армии**, которые за счет механизации будут способны решать те же задачи, что и большие армии.

Моторизация армии и сокращение численности войск, по Дж. Фуллеру, также будут способствовать уменьшению потерь от ударов вражеской авиации. В ряду систем вооружения, призванных разгромить противника, на первое место Фуллер ставит танк, а все остальные виды вооруженных сил призваны способствовать достижению успеха бронетанковых формирований, в том числе и авиация.

Важной частью доктрины Дж. Фуллера, которую часто упускают из виду, является использование психологического фактора в войне. «Устрашение является истинной задачей вооруженных сил. Иначе говоря, атаковать нервы армии, а через них — волю ее командира, гораздо выгоднее, чем разрывать на куски тела ее сол-

дат», — учил английский генерал. Наряду с танками эту задачу должна выполнять и авиация, так как самолет «может атаковать не только волю армии, не трогая ее тела, но и политическую и национальную волю в тылу армии» [4, с. 22]. Судя по всему, Дж. Фуллер в данном случае выступал сторонником итальянского генерала Дж. Дуэ.

Ставка на профессиональную механизированную армию позволяла Дж. Фуллеру практически игнорировать проблему начального этапа войны, особенно вопросы, связанные с мобилизацией, так как подобная армия, находясь в состоянии постоянной боевой готовности, должна была разгромить противника за короткий промежуток времени.

Еще одним сторонником широкой моторизации армии был **Бэзил Лиддел-Гарт** — автор широко известной «Стратегии непрямых действий» [5].

После окончания Первой мировой войны Б. Лиддел-Гарт занялся анализом прошедших сражений и в 1920 г. выпустил учебник «Подготовка пехоты», который в русском переводе назывался «Основы тактики пехоты» [6]. В своих дальнейших работах Лиддел-Гарт пришел к выводу, что в предстоящей войне важную роль будут играть бронетанковые и механизированные войска, а также авиация. Поэтому он предлагал уделить пристальное внимание развитию именно этих родов войск.

Однако ни идеи Дж. Фуллера, ни предложения Б. Лиддел-Гарта не были приняты английским политическим и военным руководством. Одной из причин этого было то, что военные специалисты «старой школы» в Англии, также основываясь на опыте Первой мировой, считали, что будущая мировая война будет продолжительной с участием блоков стран, а в такой войне, которая начала называться **«войной на истощение»**, победу смогут одержать только страны, обладающие достаточными военно-промышленным, а также морально-политическим потенциалами.

Считалось, что объединенная мощь Англии и Франции, а также их вероятного союзника США позволит нанести поражение любому противнику. Как позже признавался Э. Дж. Кингстон-Макклори, «экономически мы были способны начать войну, нам нужна была помощь Америки, чтобы вести ее и выиграть» [7, с. 13].

В предстоящей войне основная тяжесть сухопутных сражений, по мнению английских специалистов, должна была лечь на плечи Франции, а также Польши, Чехословакии, поэтому в самой Англии развитию и техническому оснащению сухопутных войск уделялось недостаточное внимание. Об уровне насыщения английской армии современными средствами вооружений свидетельствует тот факт, что в 1938 г. «единственный танковый корпус включал 450 преимущественно легких и устаревших средних танков» [2, с. 135].

Теория войны на истощение тесно переплеталась с теорией господства на море, которая продолжительное время была основой развития ВМФ Великобритании, однако после подписания Вашингтонских соглашений английский флот уже не мог считаться самым многочисленным и мощным флотом мира.

Реалии международных отношений 1930-х годов способствовали тому, что в преддверии Второй мировой войны английское военно-морское руководство фактически отдало на откуп американцам защиту своих интересов в бассейне Тихого океана, передав США свою основную военно-морскую базу на Дальнем Востоке — Сингапур, а основные силы британского флота были сосредоточены на Атлантике.

Основные задачи, поставленные перед флотом, сводились к защите морских коммуникаций с США и Францией, а также к уничтожению или блокировке германского ВМФ в портах, с целью лишить немецкую промышленность поставок сырья и ресурсов из Южной Америки и Скандинавии. Серьезную поддержку военно-морскому флоту в выполнении поставленных перед ним стратегических задач должна была оказать британская авиация.

Так же, как и в других странах, на развитие английской военной авиации мощное влияние оказала доктрина Дуэ. Именно под влиянием идей итальянского генерала англичане сочли авиацию основным средством достижения стратегических целей в войне. Сторонники доктрины считали, что, опираясь на свое превосходство в морских вооружениях и авиации, Англия сможет разгромить любого противника, уничтожив его города, оборонные предприятия и т. д. Подобная стратегия ведения войны окончательно была сформулирована в 1923 г. и получила название «**доктрина воздушного устрашения**».

Региональные конфликты 1920–1930-х годов, в том числе те, в которых так или иначе участвовала Англия [7, с. 93], казалось, подтверждали все возрастающую роль авиации в войне, соответственно и верность основных положений «доктрины воздушного устрашения», однако уже в ходе гражданской войны в Испании 1936–1939 гг. выяснилось, что «моральное воздействие авиации на гражданское население не так уже велико, как пытаются представить приверженцы военно-воздушных сил» [7, с. 94].

Кроме того, к 1937 г. выяснилось, что растущая военно-воздушная мощь Германии не позволит английской авиации безнаказанно наносить удары по территории Третьего рейха, поэтому с 1938 г. задачи британской авиации изменились, и теперь они должны были сыграть главную роль не в разгроме противника, а в обороне метрополии и колоний.

Возможность нанесения бомбовых ударов по Британии привела к тому, что перед началом Второй мировой войны в Англии стали уделять серьезное внимание строительству системы противовоздушной обороны. Именно это обстоятельство в дальнейшем позволило британцам выиграть воздушную «битву за Англию».

Разработкой военно-стратегических доктрин, управлением боевыми действиями, а также повседневным руководством флотом, авиацией и армией занимался комитет начальников штабов, который образовывали начальники штабов перечисленных родов войск.

Военно-политическое руководство военной организацией государства осуществляли морской министр, министр авиации и военный министр. Согласование деятельности всех министерств и ведомств, занимающихся вопросами обороны, осуществляло министерство координации обороны. Несмотря на это, создать более или менее жизнеспособную стратегическую концепцию будущей войны не смогли. Ошибки, допущенные англичанами при определении характера будущих сражений, оказали самое негативное влияние на внешнюю политику страны. Как пишет Э. Дж. Кингстон-Макклори, «ко времени событий в Мюнхене наши военно-воздушные силы, так же как армия и флот, были плохо подготовлены в войне... именно по настоятельному совету трех начальников штабов, учитывавших неподготовленность наших вооруженных сил к войне, премьер-министр решил нанести

свой первый визит Гитлеру. Возможно, нам и повезло в том, что после Мюнхена мы получили некоторое время для подготовки к войне» [7, с. 96].

Осознание того, что политика умиротворения агрессора только усиливает аппетиты последнего, подталкивает англичан в пожарном порядке начать возрождать свои сухопутные силы. В начале 1939 г. они отказались от введенного в 1920-е годы принципа комплектования армии добровольцами и вновь вернулись к всеобщей воинской повинности, тем более, что перед лицом надвигающейся войны они раздавали гарантии безопасности налево и направо. Однако, несмотря на все усилия, развернуть массовую сухопутную армию и оснастить ее необходимыми системами вооружений к началу Второй мировой войны Великобритания не смогла.

На войне, как на войне... но не как на прошлой войне

В ходе Первой мировой войны на плечи французской армии легла основная тяжесть сухопутных батальонов на Западном фронте, кроме того, до окончания войны часть французских территорий находилась под оккупацией германской армии. Как писал У. Черчилль, «в течение ужасных четырех лет тринадцать провинций Франции находились в жестоких тисках прусского военного управления... От Вердена до Тулона не было такого дома, такой семьи, где бы не оплакивали своих погибших или не имели своих калек» [8, с. 20]. Поэтому неудивительно, что после окончания боевых действий французы, даже несмотря на то, что Франция стала одним из основателей новой системы международных отношений, стали готовиться к будущим сражениям. Постепенно начали формироваться основы стратегических концепций, которые оказывали влияние как на поведение Франции на международной арене, так и на развитие ее вооруженных сил.

Главный постулат большинства идей о будущей войне гласил, что она станет столкновением коалиций государств, где союзниками Франции, несмотря на все разногласия на международной арене, будут Великобритания, Польша, Чехословакия, а в перспективе и США. Эти идеи выдвигались сторонниками уже упоминавшейся доктрины «войны на истощение», которые ошибочно исходили из того, что характер боевых действий грядущей войны не будет отличаться от сражений Первой мировой войны, т. е. война будет позиционной. Отсюда делался еще один ошибочный вывод о том, что возрастание скорострельности и точности огня стрелкового оружия позволит создать практически непреодолимую линию фронта, а если солдаты, вооруженные новейшими видами винтовок и пулеметов, поддерживаемые артиллерией, авиацией и танками, укроются за бетонными и деревянно-земляными укреплениями, то у противника вообще не будет шансов на преодоление подобного рода позиций.

Этот вывод привел к тому, что в 1929–1934 гг. французы построили считавшуюся непреодолимой «линию Мажино» протяженностью почти 380 км. Кроме того, считалось, что наличие «линии Мажино» позволит осуществлять мобилизационные мероприятия без особой спешки, отсюда делался вывод, что от начала войны до начала решающих сражений с врагом пройдет достаточно много времени.

Одним из апологетов этих идей был французский генерал **Ф. Кюльман**. В своей известной работе «Стратегия» [9] генерал писал о том, что на начальном этапе войны в бой вступят соединения, подготовленные в мирное время, и только потом,

по мере перевода промышленности на выпуск военной продукции, ряды вооруженных сил будут пополняться новыми формированиями. Особое внимание генерал придавал «своевременному и безопасному стратегическому развертыванию основной массы вооруженных сил» [3, с. 55]. Кюльман писал о «возможности ведения как маневренных, так и позиционных операций», но при этом подчеркивал, что война не может быть длительной [10, с. 198].

Несколько отличались от идей Ф. Кюльмана взгляды генерала **Эмиль-Жюльен-Жозеф-Леопольд Аллео**, который призывал еще в мирное время создать армию прикрытия, состоящую в основном из механизированных и ударных соединений. После того, как войска противника будут остановлены на оборонительных рубежах силами армии прикрытия, механизированные и «легкие» части должны нанести удар по территории противника и «захватить на ней стратегические пункты и рубежи для ведения операций главных сил» [3, с. 55].

Еще более решительным сторонником создания французской армии прикрытия был полковник **Шарль де Голль**, будущая легенда французского народа. В 1934 г. была опубликована его книга «За профессиональную армию», в русском переводе «Профессиональная армия» [11].

Оценивая международное положение Франции, полковник де Голль писал: «Господство на морях утеряно, наша экспансия под угрозой; слишком дорого оплачиваемые нами союзы — шантаж, который приходится терпеть... а в народе, неотвязно преследуемом мыслью об одной и той же нависшей над ним угрозе, — смущение, неудовлетворенность и отсутствие единодушия» [11, с. 16]. Таким образом, автор подводил читателя к мысли о том, что для обеспечения безопасности Франции нужны специальные меры, в ряду которых особое место должно принадлежать профессиональной армии. По мнению автора, материально-техническое оснащение этой армии должно быть в несколько раз выше, чем обычных воинских формирований, особенно много надо строить танков, так как именно танки должны были стать основной ударной силой армии. Правда, в отличие от Дж. Фуллера, де Голль не предрекал танкам роль стратегического оружия, способного решить исход войны самостоятельно. Для успешного освоения новейших систем вооружения в частях профессиональной армии необходимо увеличить сроки службы. Численность профессиональной армии де Голль определял в 100 000 человек [11, с. 46].

Согласно идеям де Голя, наличие профессиональной армии не означало необходимости отказа от массовой армии, роль которой в достижении победы не подвергалась сомнению. Критически относился де Голль и к возможности долгосрочного удерживания стратегической обороны при помощи укреплений, так как возрастающая мощь средств огневого поражения будет способствовать тому, что в боевых условиях доты и дзоты будут разрушены снарядами артиллерии и танков, а также авиационными бомбами.

Ошибочное представление о характере будущей войны как позиционной и затяжной активно навязывалось французским командованием и военно-промышленному комплексу страны. Предвоенные образцы французской бронетанковой техники имели толстую броню, способную выдержать огонь ряда противотанковых систем потенциального противника, но при этом скорость их движения и калибр пушек были очень малы; кроме того, несмотря на настоятельные советы де Голя, не были созданы самостоятельные бронетанковые формирования. Поэтому

неудивительно, что в мае-июне 1940 г. французские танкисты не смогли оказать существенного сопротивления быстрым и маневренным бронетанковым частям вермахта. Не было создано во Франции и эффективных противотанковых и противовоздушных артиллерийских систем, так как считалось, что система укреплений «линии Мажино» не позволит противнику использовать танки в большом количестве, а борьба с вражескими бомбардировщиками возлагалась на плечи только истребительной авиации.

К началу Второй мировой войны, в соответствии с положением доктрины «войны на истощение», основным видом вооруженных сил Франции были сухопутные войска, в рядах которых насчитывалось более 2 438 000 человек и 3100 танков [2, с. 131]. По другим данным, количество танков во французских бронетанковых частях накануне немецкого вторжения составляло 3500, правда, 2700 из них были устаревших типов [12, с. 277–280].

Так же как в других странах, в предвоенные годы во Франции продолжали уделять внимание развитию кавалерийских частей. В предстоящей войне предполагалось использовать их вместе с легкими механизированными дивизиями.

На вооружении ВВС Франции было 3335 истребителей и бомбардировщиков. Испытав определенное влияние идей Дж. Дуэ, французы объединили их в три воздушные армии.

Военно-морской флот Франции по уровню технического оснащения был одним из лучших в мире. Кроме того, возможность использования собственных баз, расположенных в Атлантическом океане и на Средиземном море, превращала его в оружие стратегической борьбы в указанных регионах. Но так же, как в случае с сухопутными войсками, перед флотом, имевшим на вооружении 1 авианосец, 7 линкоров, 19 крейсеров, 32 эсминца, 38 миноносцев, 26 минных тральщиков и 77 подводных лодок, в условиях войны ставились в основном оборонительные задачи, в первую очередь прикрытие морских коммуникаций.

Американский пирог

На формирование стратегических концепций и развитие вооруженных сил США в межвоенный период заметное влияние оказывал ряд факторов. Во-первых, это геополитическое положение страны, во-вторых, заметный, но непродолжительный опыт участия США в Первой мировой войне, в-третьих, политика изоляционизма, в-четвертых, стратегические концепции, выдвигаемые в других странах, но «пригодные» для Соединенных Штатов Америки.

Теория морской силы, а также представления о стратегическом использовании флота были заложены контр-адмиралом **Альфредом Мэхэном** еще в конце XIX в. В соответствии с его взглядами, изложенными в работе «Влияние морской силы на историю» [13], необходимо было еще в мирное время создать ВМФ, превосходящий по количеству и качеству флот потенциального противника.

Для эффективного действия флота в Мировом океане А. Мэхэн предлагал своевременно приобретать военно-морские базы за пределами США. Важнейшими факторами, влияющими на морскую силу, согласно Мэхэну, являлись: «I. Географическое положение. II. Физическое строение (conformation), включая сюда естественную производительность и климат. III. Размеры территории. IV. Численность

народонаселения. V. Характер народа. VI. Характер правительства, включая... национальные учреждения» [13, с. 207]. Стратегия по А. Мэхэну — это широкие операции, «которые охватывают весь театр войны и в морском состязании» покрывают «большую часть земного шара» [13, с. 186].

В межвоенный период идеи А. Мэхэна оставались базовыми для подготовки военно-морского флота США к предстоящей войне. Объединенный комитет начальников штабов рассчитывал на то, что в случае мировой войны США будут долгое время оставаться в стороне, а затем в удобный для себя момент нанесут мощный удар по противнику и разгромят его основные военно-морские силы в генеральном сражении. Очистив море «от кораблей противника» [14, с. 145–146], американский флот должен был обеспечить господство на морских коммуникациях, а также захват сухопутными силами территории противника.

Добившись на Вашингтонской конференции уравнивания мощи своего флота с английским, американцы начали активное строительство новых кораблей и модернизацию старых, при этом, в отличие от Англии, Японии, Германии, Франции и СССР, они имели мощную производственную базу, способную выполнить задачи по техническому переоснащению флота за короткий промежуток времени. Перед началом Второй мировой войны на вооружении ВМФ США, состоявшего из Тихоокеанского и Атлантического флотов, насчитывалось 15 линкоров, 5 авианосцев, 26 крейсеров, 181 эсминец, 99 подводных лодок, 26 минных тральщиков и других систем морского вооружения, в общей сложности более 300 судов. Кроме того, велось строительство 4 линкоров, 4 крейсеров, авианосца и 6 подводных лодок [2, с. 137].

Кроме создания различных надводных кораблей и подводных лодок, американцы бросили большие ресурсы на строительство «москитного флота», в состав которого входили торпедные катера, охотники за подводными лодками и т. п., которые, как считалось, должны были быть менее уязвимы для бомбардировочной авиации противника.

На развитие военно-воздушных сил США большое влияние оказала доктрина **воздушной мощи**, основным идеологом которой был **Уильям Митчелл**. Основываясь на взглядах генерала Дж. Дуэ, Митчелл считал, что ВВС страны способны на проведение самостоятельной воздушной войны. В случае с Америкой победа могла быть достигнута путем создания и использования военно-воздушных баз, расположенных в различных концах света.

Несмотря на то, что к началу Второй мировой войны военно-воздушные силы США не считались отдельным видом вооруженных сил, американцы уделяли внимание развитию авиации. В 1939 г. на вооружении американской армии находилось порядка 1876 самолетов, из них около 300 принадлежало морской авиации. В том же году была принята новая программа производства самолетов, в соответствии с которой намечалось в год строить 5500 летальных аппаратов, значительную часть которых должны были составить стратегические и фронтовые бомбардировщики, а также истребители, штурмовики и военно-транспортная авиация.

Сухопутные войска, хотя и были одним из двух видов родов войск, долгое время находились на положении изгоя. Связано это было с тем, что американские стратеги вполне обоснованно считали, что на американском континенте у них нет военных противников, а десантная операция потенциальных противников (Япо-

нии или Германии) на американское побережье была столь же невероятна, как высадка человека на Марс.

Перед началом Второй мировой войны на вооружении американской армии находилось порядка 500 танков и 2000 артиллерийских орудий.

До 1938 г. основой подготовки сухопутных войск США к предстоящей войне была **теория пассивной обороны**, в соответствии с которой войска должны были встретить противника на своей территории, но так как вероятность такого хода событий была маловероятна, в 1939 г. штаб сухопутных войск выдвинул **теорию динамичной обороны**, которая предполагала начать оборону США вдали от их территории. Эта теория в конечном счете трансформировалась в лозунг «защиты» всего Западного полушария силами американской армии.

Много лет — много обид (японская пословица)

Участие в Первой мировой войне на стороне Антанты позволило Японии, наравне с Великобританией, США, Францией и Италией, стать архитектором Версальско-Вашингтонской системы, однако Япония рассчитывала на большие преференции в Азиатско-Тихоокеанском регионе, но никто из подписавших «договор пяти», а тем более «договор девяти», не собирался потакать желаниям Токио.

Общественно-политическая ситуация, сложившаяся с начала правления императора Сёва (Хирохито), привела к тому, что знаковые должности в правительстве страны занимали военные, поэтому источником стратегических концепций Японии часто являлось правительство.

Традиционно к этим концепциям причисляют и «Меморандум об основах позитивной политики в Маньчжурии и Монголии», авторство которого приписывают генералу **Гиити Танаки**, занимавшему должности премьер-министра и министра иностранных дел Японии. Принято считать, что меморандум был вручен императору 25 июля 1927 г. «как итог “Восточной конференции” — совещания Танака с дипломатами и военными, специалистами по проблемам Азии. Материалы конференции, проходившей в Токио с 27 июня по 7 июля 1927 г., сохранились и опубликованы. Обменявшись мнениями, участники одобрили экспансионистский курс премьера», но при этом «ни о каком документе на имя императора речи не было» [15]. Мировому сообществу об этом документе стало известно после того, как его содержание раскрыл в сентябре 1931 г. журнал «Чайна критик» [16, с. 6]. Несмотря на то, что в исторической науке идут споры о достоверности документа, его публикация пролила свет на планы Японии, тем более, что даже те, кто не верит в подлинность документа, признают, что «с наибольшей долей вероятности текст написан китайцем, хорошо знающим японский язык и, возможно, использовавшим некие подлинные документы и материалы» [15].

Главными врагами Японии в будущей войне были названы США, Китай, СССР. Из текста следовало, что «договор девяти», подписанный на Вашингтонской конференции, воспринимался Японией как документ, «ограничивающий... проникновение в Маньчжурию и Монголию», а главным виновником заключения договора является Америка, которая оказывает помощь Китаю в его антияпонской борьбе. Отсюда делался вывод, что для установления контроля над Китаем Японии необхо-

димо будет «сокрушить Соединенные Штаты, то есть поступить с ними так, как мы поступили в русско-японской войне» [17, с. 732].

Наряду с США, противником японского усиления на Дальнем Востоке был Советский Союз. Поэтому неудивительно, что генерал Танаки писал: «В программу нашего национального развития входит, по-видимому, необходимость вновь скрестить мечи с Россией... для овладения богатствами Северной Маньчжурии» [17, с. 738].

В начале 1930-х годов в высших японских военных кругах сложилась так называемая партия младогенштабистов во главе с генерал-лейтенантом **Садао Аракой**. Стратегическая цель будущей войны этих военных выражалась в выдвинутом генералом Аракой лозунге: «Забайкалье — японо-русская граница» [18, с. 298].

Необходимость борьбы с противниками, обладающими превосходством в военно-морских вооружениях, с одной стороны, подтолкнула Японию к началу строительства флота, способного противостоять флотам США и Великобритании. С другой стороны, для разгрома Китая и СССР нужны были сухопутные силы. Авиация должна была войти в состав сухопутных или морских сил как род войск, при этом на нее возлагались особые надежды как в сухопутных, так и в морских операциях.

Осознание роли авиации в предстоящей войне привело к тому, что японцы одними из первых стали уделять внимание созданию кольцевой системы противовоздушной обороны. К началу Второй мировой войны японская система ПВО имела трехзонное построение и простиралась на глубину 160–170 км.

Для достижения стратегического превосходства над вражескими флотами японцы начали строительство сверхлинкоров, вооруженных 460-мм орудиями, а также модернизировали свои старые линкоры. К концу 1939 г. в рядах военно-морских сил Японии было 10 линкоров, из них два сверхлинкора — «Ямато» и «Мусаси», 35 крейсеров, 121 эсминец и 56 подводных лодок, а также 6 авианосцев с 365 самолетами.

В 1927 г. японские сухопутные силы по уровню боевой подготовки и технической оснащенности в несколько раз превосходили не только китайские вооруженные формирования, но и части РККА, развернутые на Дальнем Востоке. Поэтому неудивительно, что так же, как и в случае с Италией, Япония бросила основные ресурсы на развитие военно-морского флота и авиации и «упустила» момент, когда необходимо было обратить внимание на развитие бронетанковых сил.

В 1937 г. началась японо-китайская война, которая не вскрыла недостатков в деле подготовки сухопутных сил Японии к войне, однако как только произошли серьезные столкновения японских сухопутных сил с советско-монгольскими силами в 1938–1939 гг. на Дальнем Востоке, стало понятно, что выполнить стратегические установки в отношении Советского Союза будет делом сложным.

Анализ реалий международных отношений конца 1930-х годов, а также собственные интересы Японии на международной арене привели к появлению теории «кодо, соре-кусен» (всеобщая война согласно императорскому пути), которая представляла собой разновидность гитлеровской теории «тотальной войны» [2, с. 130]. Необходимо отметить, что в этой доктрине довольно точно предсказывался характер будущей войны: она должна была быть мировой, с участием противостоящих друг другу коалиций, которые для достижения победы над врагом привлекут многомиллионные армии, оснащенные современными системами вооружений.

Броня Круппа и танки их быстры

Версальский договор не только наложил ограничения на численный состав германской армии, но и предусматривал роспуск «Большого Генерального штаба». По мнению западных аналитиков тех лет, ликвидация названного органа должна была стать гарантией мира на европейском континенте.

Однако насильственное ослабление военной мощи Германии способствовало, с одной стороны, ее тайному военно-техническому сотрудничеству с рядом европейских стран, с другой — росту реваншистских идей, в результате чего в 1933 г. к власти пришли нацисты.

После установления фашистской диктатуры немецкая военная наука «обогащается» идеями национал-социализма. Главные геополитические идеи немецких фашистов были озвучены А. Гитлером в его печально знаменитой книге «Майн Кампф». В частности он писал: «...мы, национал-социалисты, сознательно подводим черту под внешнеполитическим направлением нашей довоенной политики. Мы начинаем с того, на чем остановились шесть столетий тому назад. Мы прекращаем вечное германское устремление на юг и запад Европы и обращаем взор на страну на Востоке. Мы расстаемся, наконец, с колониальной и торговой политикой довоенного времени и переходим к территориальной политике будущего. Когда мы сегодня говорим в Европе о новых землях, мы можем в первую очередь думать только о России и подчиненных ей пограничных государствах» (цит. по: [19, с. 23]).

В 1935 г. в Германии была опубликована книга генерала **Эриха Людендорфа «Тотальная война»**. Оценивая характер будущей войны, немецкий генерал приходил к выводу, что для достижения победы необходимо тотальное уничтожение противника, в том числе и мирного населения, для чего хороши любые средства. Анализ причин поражения немцев в Первой мировой войне, а также уровень экономического развития и обеспеченности немецкой промышленности ресурсами подтолкнули генерала к выводу о том, что победа в тотальной войне применительно к Германии возможна только в случае **«молниеносной войны»**.

Для достижения победы в «молниеносной войне» Э. Людендорф предлагал начинать войну внезапно, без объявления, после чего разгромить армии прикрытия противника, далее стремительно двинуться к жизненно важным целям в глубине территории врага, с тем чтобы не позволить ему осуществить мобилизационные мероприятия как в военной, так и в экономической сферах.

Важной стратегической целью Германии в предстоящей войне, согласно идеям Э. Людендорфа, было избежание борьбы на два фронта, как это было во время Первой мировой войны. Для этого генерал предлагал, противопоставив противников Германии друг другу, добиваться их разгрома поодиночке. Если все же придется вести войну на два фронта, он предлагал сосредоточить силы против главного противника, разгромить его, а затем перебросить силы для уничтожения оставшегося врага.

Идеи Людендорфа о тотальной и молниеносной войне были дополнены выводами австрийского генерала **Людвига Риттера фон Эймансбергера**. В его книге **«Танковая война»** [20], опубликованной в 1934 г., на основе анализа работ английского генерала Дж. Фуллера и других военных специалистов того времени делается вывод о ведущей роли бронетанковых войск в предстоящей войне. Опираясь на

опыт Первой мировой войны, генерал фактически говорит о том, что инструментом молниеносной войны становится танк. По мнению Л.Эймансберга, бронетанковые войска фактически являются стратегическим оружием и способны решить исход войны.

Дальнейшее развитие стратегическая концепция «молниеносной войны» получила в год смерти генерала Э.Людендорфа. В 1937 г. вышла из печати наделавшая много шума книга «Внимание — танки!», автором которого был немецкий генерал **Хайнц (Ганс) Гудериан**. Опираясь на труды своих предшественников, в том числе Дж.Фуллера и де Голля, Гудериан писал о большой роли танков в предстоящей войне, при этом, в отличие от своих «коллег», Гудериан призывал отказаться от простого сопровождения пехоты в бою танками, а собрав их в мощный кулак, при поддержке всех других родов войск, бросить на решение стратегических задач.

Теория «тотальной» и «молниеносной войны» прекрасно сочеталась с идеями генерала Дж.Дуэ, поэтому неудивительно, что создание и применение немецких ВВС в межвоенный период опиралось на эту доктрину.

К началу Второй мировой войны Военно-воздушные силы Германии имели на вооружении более 4000 самолетов, основную массу которых составляли бомбардировщики. Перед ними ставилась задача нанесения бомбовых ударов по тылам и резервам противника, а также по крупным населенным пунктам с целью подрыва морального духа населения и уничтожения экономического потенциала. Особого эффекта от действий бомбардировочной авиации ожидали на начальном этапе войны, когда они внезапным ударом должны были нанести противнику невосполнимый урон в живой силе и технике. Истребительная авиация предназначалась в первую очередь для прикрытия сухопутных войск от воздушных ударов противника.

Теория «молниеносной войны» стала базовой и для морских стратегических концепций, разрабатываемых в Германии в межвоенный период. Теория **крейсерской войны**, авторами которой являлись адмиралы Гросс, Вегенер и Редер, ставила своей целью нанесение неожиданного и сокрушительного удара по торговому флоту Великобритании большими надводными кораблями, линкорами и крейсерами. Далее планировалось путем установления морской блокады добиваться капитуляции Англии. Для достижения поставленных целей намечалось еще в мирное время скрытно вывести немецкий флот в моря и океаны с тем, чтобы они могли сразу начать действовать на коммуникациях противника. Подводные лодки должны были стать только «вспомогательным» оружием крейсерской войны.

Как мы врага разгромим? Малой кровью, могучим ударом?

Советский Союз был одной из стран, где изучение опыта Первой мировой войны осуществлялось массово, большим кругом военных, историков, экономистов. Практически в это же время начинается анализ событий Гражданской войны.

При изучении вопросов, связанных с Первой мировой войной, советские специалисты давали оценку событиям и фактам, практически не чувствуя над собой давления политической системы, в случаях же с работами, посвященными Гражданской войне, они сознательно или несознательно искажали объективную картину, желая «особо подчеркнуть» роль того или иного вождя или военачальника. Хуже того, начались мифологизация и романтизация событий Гражданской войны,

что имело самые негативные последствия в деле подготовки молодых офицеров, часть из которых ошибочно считала, что новая война будет калькой с событий 1918–1920 гг.

В свою очередь, часть сторонников изучения и применения опыта Первой мировой войны ошибочно считала, что в опыте Гражданской войны нет ничего ценного.

Постепенно споры между сторонниками изучения опыта Первой мировой и Гражданской войн начали трансформироваться в споры о характере будущей войны.

В отличие от своих западных «коллег», советские военные специалисты при составлении картины предстоящих сражений очень большое внимание уделяли определению **политического** характера будущей войны, влияние которого на стратегию воюющих держав считалось существенным, особенно в преддверии и на начальном этапе войны. С учетом господствующей тогда в СССР идеологии, методологической базой для определения политического характера будущей войны в первую очередь являлись труды В. И. Ленина, а затем И. В. Сталина [21].

Составной частью взглядов на политический характер войны были представления о возможных противниках и потенциальных союзниках СССР в предстоящей мировой войне. На рубеже 1920–1930-х годов основными врагами Советского Союза считались на западном направлении страны Малой Антанты, в которую входили Чехословакия, Румыния и Югославия, а также Польша, Финляндия и прибалтийские государства — Эстония, Латвия и Литва. За их спиной, по мнению советского руководства, стояли «буржуазная Франция, родина любвеобильной “Пан-Европы”, “колыбель” пакта Келлога, самая агрессивная и милитаристская страна из всех агрессивных и милитаристских стран мира» [22, с. 257], а также Англия, «наскоки» которой «на СССР нельзя считать случайностью» [23, с. 304]. В случае начала войны к этим странам могли присоединиться или же предоставить «в их распоряжение свои военно-экономические ресурсы и коммуникации» [10, с. 194–195] Венгрия, Болгария и Греция.

На дальневосточном направлении основным источником угроз до рубежа 1920–1930-х годов считался Китай. В августе 1929 г. конфликт вокруг КВЖД закончился разрывом дипломатических отношений и столкновениями Красной Армии с китайскими воинскими формированиями, которым помощь оказали бывшие солдаты и офицеры контрреволюционных сил, воевавших против большевиков на Дальнем Востоке в 1918–1922 гг.

После того, как в сентябре 1931 г. Япония захватила Маньчжурию, в Советском Союзе сочли, что основным противником на дальневосточном направлении становится Япония. Вплоть до 1945 г. страна Восходящего солнца продолжала считаться основной угрозой на Дальнем Востоке.

После прихода к власти Гитлера в СССР стали серьезно рассматривать возможность столкновения с фашистской Германией. Уже в 1935 г. В. Молотов, выступая на VII съезде Советов, обнародовал планы фашистского руководства в отношении СССР, изложенные в книге Гитлера «Майн Кампф». В ней, в частности, говорилось: «Мы кладем предел вечному движению германцев на юг и на запад Европы и обращаем взор к землям на востоке... когда мы в настоящее время говорим о новых

землях в Европе, то мы можем в первую очередь иметь в виду лишь Россию и подвластные ей окраинные государства» (цит. по: [24]).

Но приход Гитлера к власти угрожал национальной безопасности не только Советского Союза, но и большинства стран Европы. Именно по этой причине 18 сентября 1934 г. СССР вступил в ряды Лиги Наций и приложил все усилия для создания системы коллективной безопасности в Европе. Однако убийство в октябре того же 1934 г. в Марселе короля Югославии Александра и министра иностранных дел Франции Л. Барту привело к провалу политики коллективной безопасности.

В 1935 г. СССР заключает соглашения с Францией и Чехословакией, имеющие ярко выраженный антигерманский характер, однако после мюнхенских договоренностей в СССР сочли, что надвигающуюся угрозу с западного направления страна встретит без союзников, в условиях военной, политической и экономической изоляции.

Выводы, вытекающие из представлений о политическом характере предстоящих сражений, в значительной мере влияли на **стратегические концепции возможной войны**, активно выдвигаемые в СССР в межвоенный период.

Необходимо подчеркнуть, что в отличие от политической сферы, где господствовала одна идеология, в области военной теории наблюдался большой плюрализм мнений, поэтому неудивительно, что уже в двадцатые годы начали формироваться два противоположных взгляда на способы достижения победы в возможной войне — **стратегия измора** и **стратегия сокрушения**.

Одним из первых о названных стратегических концепциях ведения войны говорил и писал **М. В. Фрунзе**. Он справедливо считал, что в предстоящей войне стороны не смогут решить исход противостояния только путем сокрушительных ударов либо путем затягивания войны [25].

В 1926 г. в Военно-научном обществе при Военной академии имени М. Ф. Фрунзе состоялась открытая дискуссия сторонников обеих стратегий. С докладом, защищающим постулаты стратегии сокрушения, выступил К. Д. Голубев, с противоположными тезисами — Б. Б. Касани [26, с. 121].

В том же году была опубликована книга **А. А. Свечина** «Стратегия» [27], в которой автор рассмотрел практически все аспекты подготовки будущей победы. Опираясь на военную историю, реалии международных отношений того времени, экономическое положение Советского Союза, автор приходил к выводу, что будущая война как для СССР, так и для других стран, будет носить затяжной характер. Более того, А. Свечин считал, что техническая отсталость РККА в частности и Советского Союза в целом не позволит вести «войну на сокрушение» против противников, имеющих на вооружении современные средства вооруженной борьбы, а также развитое военное производство. Поэтому он считал, что в будущей войне Красная Армия должна будет применять стратегию измора, при этом надо учесть, что стратегия измора, по Свечину, это не глухая оборона за линией железобетонных укреплений, а навязывание противнику своей воли, нанесение по нему неожиданных ударов.

Стратегию измора Свечин предлагал применять и в дипломатической борьбе, например, не подписывать с противником мира или же держать врага в напряжении, угрожая развернуть против него боевые действия [28, с. 178–180].

Стратегия измора была далека от западной стратегии «войны на истощение» с ее установками на отсиживание за линиями фортификационных укреплений и ведение позиционных сражений. Несмотря на это, против А. А. Свечина и его сторонников, приверженцев **стратегии сокрушения** была развязана научная, а затем и политическая травля.

Формирование стратегии сокрушения начало оформляться под влиянием побед, одержанных Красной Армией в ходе Гражданской войны. Основными теоретиками и последователями стратегии сокрушения были как бывшие генералы и офицеры императорской армии, перешедшие на службу в Красную Армию, такие как А. М. Зайончковский [29] и Н. Е. Варфоломеев [30], так и командиры РККА, выдвинувшиеся в годы Гражданской войны — Н. Н. Мовчин [31], В. К. Триандафиллов [32], М. Н. Тухачевский [33] и др. В 1937 г. находящийся в эмиграции Е. Месснер на страницах журнала «Знамя России» в статье «Советская и зарубежная военная мысль» так охарактеризовал вклад последних в военную науку: «...командиры времени навыков гражданской войны — внесли в военное творчество смелость и дерзновение. Революционеры и авантюристы, свободные от пут военных догматов и застоя, уверенные в непререкаемой ценности собственного боевого опыта, эти рев-военные вывели русскую военную мысль из того тупика, в который ее в годы Великой войны завело слепое подражание бездарным западноевропейским образцам. Быстрота действий и маневрирование — вот две основы советской военной мысли» [34, с. 338].

Взгляды А. М. Зайончковского на будущую войну базировались на анализе опыта Первой мировой войны. Он считал, что в предстоящей войне сойдутся коалиции стран, как и в предшествующей мировой войне, боевыми действиями будут охвачены огромные территории, а бескомпромиссность и ожесточенность войны ставят перед страной вопрос о необходимости своевременной политической подготовки народа и армии к будущим катаклизмам [29].

Наиболее талантливым представителем стратегии сокрушения и разрабатываемой в его рамках **теории ведения последовательных операций** (глубокой операции) был **Владимир Кириакович Триандафиллов**. В 1929 г. была опубликована его знаменитая работа «Характер операций современных армий» [35], где идеи последовательных операций излагались как стройная и продуманная научная система.

В первой части своей работы В. К. Триандафиллов давал оценку различным системам вооружений ведущих армий мира того времени и уже в 1929 г. приходил к выводу о необходимости вооружить каждого солдата автоматическим оружием, примером которого служат «американские авторужья системы Томпсона обр. 1923 г. . . по своей меткости (на ближайшие дистанции) не уступающие магазинной винтовке» [35, с. 16–17]. В области артиллерийского вооружения В. К. Триандафиллов ожидал дальнейшего совершенствования артиллерийского вооружения, при этом он призывал обратить пристальное внимание на вопрос перевода артиллерии на механическую тягу.

Особое беспокойство вызывало у В. К. Триандафиллова возможное использование «оружия химического воздействия». По мнению автора, «в будущей войне больше всего неожиданностей сулит химическое оружие. Согласно существующему международному соглашению, все государства обязались не применять в будущей войне химических средств борьбы. В действительности же нет ни одного государ-

ства, которое не работало бы усиленно над вопросами химической войны». Большое внимание Триандафиллов уделял вопросу использования танков, но в итоге отводил им решение тактических задач, заключающихся во взаимодействии с пехотой и «стратегической конницей», вместе с которой «танки могут участвовать в разведке... преследовании противника... обеспечивая коннице быстрое преодоление сопротивления прикрывающих частей отходящего противника» [35, с. 26–31].

Предсказывал В. К. Триандафиллов и бурное развитие авиации и средств связи. Говоря о возможной численности мобилизованных армий, советский военачальник очень критически отзывался о выдвигаемых в то время на Западе теориях «вооруженных сил, небольших по численности, но набранных из “надежных” профессионалов военного дела». По его мнению, для разгрома противника, имеющего большие пространства, нужны вооруженные силы «по своей численности близкой к миллиону» [35, с. 37–39], а сама война будет носить затяжной характер. В этом случае многомиллионная армия превращается в «нарост на государственном теле» [36, с. 68], что, в свою очередь, выводит на первый план вопросы, связанные с политическим характером войны.

Важным фактором, оказывающим влияние на ход войны, В. К. Триандафиллов считал «машинизацию» армии. По этому признаку он делил армии на две группы: «первая — западноевропейские армии, армии, машинизированные равномерно... по всем родам войск, и вторая группа — армии восточноевропейские с односторонней машинизацией... проведенной достаточно полно в пехоте и частично в коннице» [35, с. 91].

Удачно организованные и проведенные «глубокие операции», по мнению В. К. Триандафиллова, «являются наиболее верным средством для быстрого истощения людских и материальных ресурсов противника, для создания объективно благоприятных условий для социально-политических потрясений в неприятельской стране», что в конечном итоге должно было способствовать «превращению войны [мировой] в войну гражданскую» [35, с. 204–205].

Активным сторонником стратегии сокрушения и «глубокой операции» был **М. Н. Тухачевский**. В ряде своих работ он высказывался за подготовку к войне на сокрушение, подготовку войск к маневренным действиям. Для достижения победы в войне, где столкнутся многомиллионные армии, М. Н. Тухачевский призывал обратить внимание на оснащение войск новейшими системами вооружений, в первую очередь авиацией и танками. При этом он предполагал проводить обучение войск «сложному искусству современного наступательного боя» [36, с. 248].

Кроме сторонников стратегии измора и стратегии сокрушения, в СССР были военные специалисты, которых с оговорками можно причислить к сторонникам **теории малых профессиональных армий**. Наиболее известным приверженцем названной теории был **А. И. Верховский**. Исходя из положения, что оборонительная война «дает крупные политические выгоды и позволяет наращивать силы» [37, с. 83], бывший военный министр Временного правительства предлагал исходя из экономических возможностей СССР создать немногочисленную, но оснащенную по последнему слову техники армию, состоящую из воинов, отобранных по классовому признаку. Благодаря техническому оснащению и своей идеологической стойкости подобные вооруженные силы, по его мнению, могут в течение продолжительного времени сдерживать противника в оборонительных сражениях, при-

давая войне затяжной характер и таким образом создавая условия для революционного брожения в тылу противника.

Важное значение в подготовке армии и страны к предстоящей войне, а также в разработке стратегических планов будущих сражений принадлежало высшим штабам. Одним из первых в советской военной науке тщательным изучением деятельности «мозга армии» занялся **Б. М. Шапошников**. В конце 1920-х годов с интервалом в несколько лет в трех книгах был опубликован самый знаменитый труд Б. М. Шапошникова «Мозг армии» [38]. Объектом изучения в книге был выбран Генеральный штаб австро-венгерской армии времен Первой мировой войны. Изучение данного органа военного управления позволило Б. М. Шапошникову не только выявить ошибки, допущенные австро-венгерским Генштабом в ходе войны, но и сделать ряд выводов стратегического и политического характера.

Во-первых, Б. М. Шапошников считал начало новой мировой войны неизбежным. По этому поводу он писал: «Кончилась мировая война, и мы снова на пороге грядущей войны, характер которой должен быть определен, дабы вести правильную подготовку к ней». Во-вторых, по его мнению, «характер будущей войны определяется экономикой». В-третьих, Б. М. Шапошников в силу своего положения и авторитета пытался «примирить» сторонников стратегии измора и стратегии сокрушения, совершенно верно указывая на то, что «вероятнее всего будущая война примет характер борьбы на измор, но в зависимости от размеров страны противника, от его внутреннего состояния, от развивающейся в нем классовой борьбы не исключена возможность и стратегии сокрушения» [39, с. 448–449].

При этом, соглашаясь с А. А. Свечиным в вопросах размещения новых объектов ВПК СССР на Урале и за Волгой, он выступал его категорическим оппонентом в вопросах оценки боеготовности РККА, а главное, в вопросе создания и размещения стратегической наступательной группировки Красной Армии. Профессор А. А. Свечин считал, что она должна быть создана на южном направлении, для разгрома в первую очередь наиболее слабых членов коалиции империалистических государств, направленных против СССР, а Б. М. Шапошников доказывал, что даже полный разгром слабых членов вражеской коалиции не обеспечит победы в войне, поэтому он настаивал на размещении соответствующей группировки на западном направлении.

Стратегические концепции будущей войны оказали непосредственное влияние на развитие и техническое оснащение ВС СССР, в частности подталкивая СССР к тесному военно-техническому сотрудничеству с западными странами, включая Германию, Великобританию, Италию и США.

Основу советских вооруженных сил составляли сухопутные силы. До рубежа 1920–1930-х годов по уровню своего технического оснащения Красная Армия сильно уступала армиям потенциальных противников. Однако промышленная модернизация страны, осуществленная в годы первой пятилетки, позволила постепенно оснастить сухопутные силы новейшими образцами боевой техники, в том числе производимыми в СССР по лицензии. Уже в 1932–1938 гг. РККА не уступала ни одной из армий мира по количеству и отчасти по качеству новых систем вооружения.

Бурными темпами развивалась и советская авиация. На ее вооружение поступали истребители, бомбардировщики и штурмовики. В СССР раньше, чем во многих странах, было уделено внимание созданию войск ПВО.

Развитие Военно-Морского флота Советского Союза, территория которого омывалась 14 морями и тремя океанами, шло по пути, пройденному другими морскими державами. Но в отличие от ведущих западных держав, в первую очередь Великобритании, Франции, Италии и США, СССР в течение продолжительного времени не мог позволить себе строительство крупного надводного флота. Только в 1935 г. было принято постановление ЦК ВКП(б), по которому в СССР начиналось строительство серии линкоров и тяжелых крейсеров. Однако отсутствие необходимых ресурсов и технологии не позволило построить хотя бы один из новых линкоров и тяжелых крейсеров к началу войны с Германией. Более удачно шло строительство крейсеров типа «26» по документации итальянской фирмы «Ансальдо». Приказом наркома обороны главному кораблю этой серии присвоили имя С. М. Кирова.

Заключение

Подводя итоги, мы можем с уверенностью сказать, что стратегические концепции межвоенного периода стали реакцией военных специалистов различных стран, как демократических, так и тоталитарных и диктаторских, на процессы, идущие в системе международных отношений. Несмотря на особенности политической системы той или иной страны, все выдвигаемые идеи были направлены на нахождение оптимальных путей достижения победы в будущей войне, которую военные теоретики считали неизбежной. Именно по этой причине стратегические концепции 1920–1930-х годов ставили своей целью: дефиницию военных, политических и экономических целей будущей войны; поиск новых форм и методов руководства вооруженными силами; определение характера и интенсивности предстоящих сражений; выработку требований по подготовке армии, промышленности и населения к предстоящей войне; выявление потребности в материальных ресурсах; поиск потенциальных союзников на международной арене и заключение договоров о взаимопомощи и военном сотрудничестве.

Литература

1. Дуэ Дж. Господство в воздухе. Сборник трудов по вопросам воздушной войны. М.: Воениздат НКО СССР, 1936. 607 с.
2. Кирьян М. М., Бабин А. И., Кравченко И. М., Перечнев Ю. Г., Плотников Ю. В., Ростунов И. И., Сеоев В. Б., Соколов А. М., Шеховцов Н. И. История военного искусства / под ред. П. А. Жилина. М.: Воениздат, 1986. 450 с.
3. Начальный период войны: По опыту первых кампаний и операций Второй мировой войны / под общ. ред. С. П. Иванова. М.: Воениздат, 1974. 357 с.
4. Фуллер Д., Гудериан Х., Эймансбергер Л. Р. и др. Внимание, танки. М.: АСТ, 2003. 480 с.
5. Лиддел-Гарт Б. Стратегия не прямых действий. М.: Иностранная литература, 1957. 108 с.
6. Лиддел-Гарт Б. Основы тактики пехоты. М.: Воениздат, 1923.
7. Кингстон-Макклори Э. Дж. Руководство войной. Анализ роли политического руководства и высшего военного командования. М.: Изд-во иностранной литературы, 1957. 342 с.
8. Черчилль У. Вторая мировая война. М.: Воениздат. 1991. Кн. 1, т. 1–2. 592 с.
9. Кольман Ф. Стратегия. М.: Воениздат, 1939. 546 с.
10. Дайнес В. О., Данилевич А. А., Пронько В. А., Саксонов О. В., Чекмарев Г. Ф. История военной стратегии России. М.: Кучково поле; Полиграфресурсы, 2000. 592 с.
11. Голль Ш. Профессиональная армия. М.: Госвоениздат, 1935. 86 с.

12. Бах И. В., Вараксин Ю. Н., Выгодский С. Ю. Зарубежная бронетанковая техника. Справочник в двух книгах. М.: Машиностроение, 1984. Кн. 1. 424 с.
13. Мэхэн А. Влияние морской силы на историю 1660–1783 // Классика геополитики. XIX век. М.: АСТ, 2003. С. 183–274.
14. Делингер С., Гери Ч. Б. Война на Тихом океане. М.; Л.: Воениздат РКВМФ СССР, 1939. 228 с.
15. Молодяков В. «Меморандум Танака»: конец фальшивки. URL: <http://actualhistory.ru/tanaka> (дата обращения: 07.03.2018).
16. Панкратова А. М. Дальний Восток — очаг войны // Накануне. 1931–1939. Как мир был ввергнут в войну / сост. Н. Н. Яковлев, О. Л. Степанова, Е. Б. Салынская. М.: Изд-во политической литературы, 1991. С. 5–12.
17. Из меморандума генерала Танака Гиити // Хрестоматия по новейшей истории. М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1960. 928 с.
18. Лубянка. Сталин и ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД. Январь 1922 — декабрь 1936. Документы. М.: Материк, 2003. 912 с.
19. Война Германии против Советского Союза 1941–1945. Berlin: Argon-Verlag GmbH, 1992. 285 с.
20. Эймансбергер Л. Танковая война. М.: Воениздат, 1938. 372 с.
21. Ниязов Н. С. Предполагаемый характер войн в представлениях советской политической и военной элиты в межвоенные годы // Россия в XX веке: реформы, революции, войны. Материалы Международной научной конференции. Санкт-Петербург, 22 апреля 2015 г. СПб.: ФГБОУ ВПО «СПГУТД», 2015. С. 176–179.
22. Сталин И. Политический отчет Центрального комитета XVI съезду ВКП(б) // Сталин И. Сочинения. М.: Государственное издательство политической литературы, 1952. Т. 12. С. 235–373.
23. Сталин И. Отчетный доклад XVII съезду ВКП(б) // Сталин И. Сочинения. М.: Государственное издательство политической литературы, 1952. Т. 13. С. 282–379.
24. Правда. 1935. 29 января.
25. Фрунзе М. В. Избранные произведения. М.: Воениздат, 1984. 560 с.
26. Коротков И. А. История советской военной мысли: краткий очерк, 1917 — июнь 1941. М.: Наука, 1980. 272 с.
27. Свечин А. Стратегия. М.; Л.: Госвоениздат, 1926. 400 с.
28. Свечин А. А. Стратегия // Постижение военного искусства: Идеиное наследие А. Свечина. М.: Русский путь, 1999. С. 263–281.
29. Зайончковский А. М. Первая мировая война. СПб.: Полигон, 2002. 878 с.
30. Варфоломеев Н. Ударная армия. М.: Госвоениздат, 1933. 203 с.
31. Мовчин Н. Последовательные операции по опыту Марны и Вислы. М.: Государственное изд-во, 1928. 170 с.
32. Триандафиллов В. К. Характер операций современных армий. 2-е изд. М.: Госвоениздат, 1932. 192 с.
33. Тухачевский М. Н. Поход за Вислу. Пилсудский Ю. Война 1920 года. М.: Новости, 1992. 320 с.
34. Месснер Е. Советская и эмигрантская военная мысль // Военная мысль в изгнании. Творчество русской военной эмиграции / сост. И. В. Домнин. М.: Русский путь, 1999. С. 337–342.
35. Триандафиллов В. К. Характер операций современных армий. М.: Государственное военное изд-во НКО СССР, 1936. 259 с.
36. Тухачевский М. Н. Избранные произведения. М.: Военное изд-во Министерства Обороны СССР, 1964. Т. 2. 264 с.
37. Захаров М. В. Генеральный штаб в предвоенные годы. М.: Воениздат, 1989. 318 с.
38. Шапошников Б. М. Мозг армии. М.; Л.: Государственное изд-во. Отдел военной литературы, 1927–1929. Кн. 1. 270 с.; Кн. 2. 264 с.; Кн. 3. 378 с.
39. Шапошников Б. М. Воспоминания. Военно-научные труды. М.: Воениздат, 1974. 574 с.

Статья поступила в редакцию 25 марта 2018 г.

Статья рекомендована в печать 3 мая 2018 г.

Контактная информация:

Ниязов Ниязи Сабири оглы — д-р ист. наук, доцент; NiNiyazi@yandex.ru

Mutual interference and strategic concepts of international relations in the inter-war period

N. S. Niyazov

St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

For citation: Niyazov N. S. Mutual interference and strategic concepts of international relations in the inter-war period. *Vestnik of Saint Petersburg University. International Relations*, 2018, vol. 11, issue 2, pp. 146–170. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu06.2018.203>

The creation of Versailles-Washington system of international relations failed to provide conditions for the crisis-free development of the international society in 1918–1938. Contradictions provoked by unequal treaties with the defeated, especially with Germany, ignoring interests of Italy and the Soviet Union finally must have led to the collapse of the system, materialized in the new world war. Realization of these facts by military specialists in the very period of history made them work out new strategic concepts. Their main objective was to find new ways of conducting military operations in the forthcoming world war, which they thought to be inevitable. Great Britain, France, the USSR, Germany, Italy, the USA and Japan made the most persistent efforts in concept development. Besides the modeling of conditions, under which future war should be waged, authors of a set of concepts paid attention to the preparation of civilian population and industry to the warfare. In the USSR due to the prevailing ideology experts focused on the political aspect of the future war. By the way, the creation of a strategic paradigm influenced the external policy of the state. Thus, the very fact that the strategic concept included the idea that the future war will be waged by blocks of states made the political leaders look for allies. Similarly, the assumption that in the future military conflict certain weapon system may complete strategic tasks could make the states which didn't possess such armament or had limited availability of it appear on the international arena calling to constraint, prohibit or eliminate certain kinds of weapon and equipment.

Keywords: international relations, strategic concepts, armed forces, military technologies, world war.

References

1. Due Dzh. *Gospodstvo v vozdukh. Sbornik trudov po voprosam vozdushnoi voyny* [Predominance in the air. Collected volume on the air warfare]. Moscow, Voenizdat NKO SSSR, 1936. 607 p. (In Russian)
2. Kir'ian M. M., Babin A. I., Kravchenko I. M., Perechnev Iu. G., Plotnikov Iu. V., Rostunov I. I., Seeov V. B., Sokolov A. M., Shekhovtsov N. I. *Istoriia voennogo iskusstva* [History of warcraft], ed. P. A. Zhilin. Moscow, Voenizdat, 1986. 450 p. (In Russian)
3. *Nachal'nyi period voiny: Po opytu pervykh kampanii i operatsii Vtoroi mirovoi voiny* [The beginning of war: On the experience of the first campaigns and operations of the Second World War], ed. S. P. Ivanov. Moscow, Voenizdat, 1974. 357 p. (In Russian)
4. Fuller D., Guderian X., Eimansberger L. R. et al. *Vnimanie, tanki* [Watch out, tanks]. Moscow, AST Publ., 2003. 480 p. (In Russian)
5. Liddel-Gart B. *Strategiia nepriamykh deistvii* [Strategy of the Indirect Approach]. Moscow, Inostrannaia literature Publ., 1957. 108 p. (In Russian)
6. Liddel-Gart B. *Osnovy taktiki pekhoty* [Main tactics of infantry]. Moscow, Voenizdat, 1923. (In Russian)
7. Kingston-Makklori E. Dzh. *Rukovodstvo voinoi. Analiz roli politicheskogo rukovodstva i vysshego voennogo komandovaniia* [The direction of war; a critique of the political direction and high command in war]. Moscow, Izdatel'stvo inostrannoia literatury, 1957. 342 p. (In Russian)
8. Churchill W. *Vtoraia mirovaia voina* [The Second World War]. Moscow, Voenizdat, 1991. Book 1, vol. 1–2. 592 p. (In Russian)
9. Kiul'man F. *Strategiia* [Strategy]. Moscow, Voenizdat, 1939. 546 p. (In Russian)
10. Daines V. O., Danilevich A. A., Pron'ko V. A., Saksonov O. V., Chekmarev G. F. *Istoriia voennoi*

strategii Rossii [History of Russian war strategy]. Moscow, Kuchkovo pole; Poligrafresursy, 2000. 592 p. (In Russian)

11. Gaulle Ch. *Professional'naiia armiiia* [Professional army]. Moscow, Gosvoenizdat, 1935. 86 p. (In Russian)

12. Bakh I. V., Varaksin Iu. N., Vygodskii S. Iu. *Zarubezhnaia bronetankovaia tekhnika. Cpravochnik v dvukh knigakh* [Foreign armoured vehicles. Reference book in two volumes]. Book 1. Moscow, Mashinostroenie, 1984. 424 p. (In Russian)

13. Mekhen A. Vliianie morskoi sily na istoriiu 1660–1783 [The Influence of Sea Power upon History, 1660–1783]. *Klassika geopolitiki. XIX vek* [Classics of geopolitics. 19th century]. Moscow, AST Publ., 2003, pp. 183–274. (In Russian)

14. Delinger S., Geri Ch. B. *Voina na Tikhom okeane* [War in the Pacific. A Study of Navies, Peoples, and Other Battle Problems]. Moscow, Leningrad, Voenizdat RKVMF SSSR, 1939. 228 p. (In Russian)

15. Molodiakov V. «Memorandum Tanaka»: konets fal'shivki [«Memorandum Tanaka»: the end of fake]. URL: <http://actualhistory.ru/tanaka> (accessed: 07.03.2018). (In Russian)

16. Pankratova A. M. Dal'nii Vostok — ochag voiny [The far east — the centre of war]. *Nakanune. 1931–1939. Kak mir byl vvergnut v voynu* [The day before. 1931–1939. The way the world was involved in the war], comp. by N. N. Iakovlev, O. L. Stepanova, E. B. Salynskaia. Moscow, Izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1991, pp. 5–12. (In Russian)

17. Iz memorandum generala Tanaka Giiti [From «Memorandum Tanaka»]. *Khrestomatiia po noveishei istorii* [Cotemporary history reader]. Moscow, Izdatel'stvo sotsial'no-ekonomicheskoi literatury, 1960. 928 p. (In Russian)

18. *Lubianka. Stalin i VCHK-GPU-OGPU-NKVD. Ianvar' 1922 — dekabr' 1936. Dokumenty* [Lubyanka. Stalin and VCHK-GPU-OGPU-NKVD. January 1922 — December 1936. Documentation]. Moscow, Materik Publ., 2003. 928 p.

19. *Voina Germanii protiv Sovetskogo Soiuzu 1941–1945* [Germany's war against Soviet Union 1941–1945]. Berlin, Argon-Verlag GmbH, 1992. 285 p. (In Russian)

20. Eimansberger L. *Tankovaia voina* [Tank War]. Moscow, Voenizdat, 1938. 372 p. (In Russian)

21. Niyazov N. S. Predpolagaemyi kharakter voyn v predstavleniiakh sovetskoi politicheskoi i voennoi elity v mezhoennye gody [Hypothetic character of wars as seen by Soviet political military elite in the interwar period]. *Rossiiia v XX veke: reformy, revoliutsii, voiny* [Russia in the twentieth century: reforms, revolutions, wars]. *Materials of the International Scientific Conference. St. Petersburg, 2015, 22 april. St. Petersburg: FGBOUVPO «SPGUTD»*, 2015, pp. 176–179. (In Russian)

22. Stalin I. Politicheskii otchet Tsentral'nogo komiteta XVI s'ezdu VKP(b) [Political report of the Central Committee to the XVI Congress of the CPSU(b)]. Stalin I. *Sochineniia* [Works]. Vol. 12. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1952, pp. 235–373. (In Russian)

23. Stalin I. Otchetnyi doklad XVII s'ezdu VKP(b) [Report of the seventeenth party Congress on the work of the Central Committee of the CPSU(b)]. Stalin I. *Sochineniia* [Works]. Vol. 13. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1952, pp. 282–379. (In Russian)

24. *Pravda*. 1935. 29 january. (In Russian)

25. Frunze M. V. *Izbrannnye proizvedeniia* [Selected works]. Moscow, Voenizdat, 1984. 560 p. (In Russian)

26. Korotkov I. A. Istoriia sovetskoi voennoi mysli: kratkii ocherk, 1917 — iun' 1941 [History of Soviet military thought: short essay, 1917 — juni 1941]. Moscow, Nauka, 1980. 272 p. (In Russian)

27. Svechin A. *Strategiia* [Strategy]. Moscow, Leningrad, Gosvoenizdat, 1926. 400 p. (In Russian)

28. Svechin A. A. *Strategiia* [Strategy]. *Postizhenie voennogo iskusstva: Ideinoe nasledie A. Svechina*. Moscow, Russkii put', 1999, pp. 263–281. (In Russian)

29. Zaionchkovskii A. M. *Pervaia mirovaia voina* [The First World War]. St. Petersburg, Poligon Publ., 2002. 878 p. (In Russian)

30. Varfolomeev N. *Udarnaia armiiia* [Attack army]. Moscow, Gosvoenizdat, 1933. 203 p. (In Russian)

31. Movchin N. *Posledovatel'nye operatsii po opytu Marne i Visly* [The sequence in the experience of the Marne and the Vistula river]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1928. 170 p. (In Russian)

32. Triandafillov V. K. *Kharakter operatsii sovremennykh armii* [The nature of operations of modern armies]. 2nd ed. Moscow, Gosvoenizdat, 1932. 192 p. (In Russian)

33. Tukhachevskii M. N. Pokhod za Vislu [The March on the Vistula]. Pilsudskii Iu. *Voina 1920 goda* [War of 1920]. Moscow, Novosti Publ., 1992. 320 p. (In Russian)

34. Messner E. Sovetskaia i emigrantskaia voennaia mysl' [Soviet and émigré military thought]. *Voennaia mysl' v izgnanii. Tvorchestvo russkoi voennoi emigratsii* [Military thought in exile. Works of Russian military emigration], comp. by I. V. Domnin. Moscow, Russkii put', 1999, pp. 337–342. (In Russian)

35. Triandafillov V.K. *Kharakter operatsii sovremennykh armii* [*The nature of operations of modern armies*]. Moscow, Gosudarstvennoe voennoe izdatel'stvo NKO SSSR, 1936. 259 p. (In Russian)
36. Tukhachevskii M.N. *Izbrannye proizvedeniia* [*Selected works*]. Vol.2. Moscow, Voennoe izdatel'stvo Ministerstva Oborony SSSR, 1964. 264 p. (In Russian)
37. Zakharov M. V. *General'nyi shtab v predvoennye gody* [*General staff in the pre-war period*]. Moscow, Voenizdat, 1989. 318 p. (In Russian)
38. Shaposhnikov B.M. *Mozg armii* [*The brain of the army*]. Moscow, Leningrad, Gosudarstvennoe izd-vo. Otdel voennoi literatury, 1927–1929. Book 1. 270 p. Book 2. 264 p. Book 3. 378 p. (In Russian)
39. Shaposhnikov B.M. *Vospominaniia. Voенно-nauchnye trudy* [*Memoirs. Military and scientific works*]. Moscow, Voenizdat, 1974. 574 p. (In Russian)

Author's information:

Niyazi Sabir ogly Niyazov — Dr. Sci. in History, Associate Professor; NiNiyazi@yandex.ru